

Дверь захлопнулась с глухим стуком.

Юй Бай прислонился к косяку, но его взбудораженные мысли никак не желали укладываться в привычный ритм.

Когда этот парень успел сюда заселиться? И почему он сам ничего не заметил?

Юй Бай практически безвылазно сидел дома, выходя на улицу лишь в крайних случаях, так что не услышать шум переезда за стеной он попросту не мог. Шорох картонных коробок, грохот мебели, перекикивания грузчиков — всё это неизбежно сопровождается порядочным шумом. Разве что этот тип заселился вообще беззвучно.

Юй Бай попытался вспомнить, что происходило вокруг за последние дни. Всё-таки их жилой комплекс пользовался дурной славой «дома с привидениями». Жильцов здесь было раз-два и обчёлся, менялись они редко, так что обычно в коридорах царила сонная тишина, и любая мелочь сразу бросалась в глаза.

Дня два-три назад он, кажется, слышал из квартиры зычный голос агента по недвижимости, который притащил очередного клиента на просмотр. Такое случалось и раньше, но никто, кроме самого Юй Бая, надолго здесь не задерживался. Эта высотка считалась одной из самых «нехороших» во всём комплексе: в одной из квартир когда-то разыгралась кровавая драма, и агенты из окрестных агентств использовали местный фонд исключительно как «залежалый товар». Сначала они приводили покупателей в эти мрачные, отдающие могильным холодом стены, а потом везли смотреть обычные, светлые квартиры — пусть и подороже. Контраст работал безотказно, и сделки закрывались моментально.

Наверное, даже сами агенты не надеялись, что за один только месяц здесь умудрятся сдать сразу две квартиры.

Но почему сосед обустроился настолько тихо? У него что, вообще нет вещей?

Да и кто в здравом уме согласится жить в проклятом доме, да ещё и в квартире с четвёркой на конце!

Станный тип. Абсолютно ненормальный сосед.

Юй Бай задумчиво уставился на смежную стену, словно пытался разглядеть сквозь бетонные блоки таинственного жильца за стеной. Конечно, рентгеновским зрением он не обладал, так что от долгого напряжения глаза только заслезились.

Сняв очки в тяжёлой чёрной оправе, он с блаженством растянулся на мягком диване. Одной рукой Юй Бай прижал к себе подушку, а другой нащупал на кофейном столике глазные капли, чтобы хоть немного снять резь от бессонной ночи.

Он не страдал близорукостью. Очки были нужны лишь для того, чтобы дополнить образ нелюдимо­го, серого затворника.

«Зачем вообще строить из себя нелюдимо­го сухаря?»

В кармане требовательно зазвонил телефон.

Зевнув, Юй Бай вытащил трубку и, жмурясь от свежих капель в глазах, принял вызов. Это был видеозвонок.

На дисплее тут же появилось суровое мужское лицо, искажённое крайней тревогой.

— Сяо Бай, ты как?! Живой?! — взволнованно заговорил мужчина. — Мне А-Цян доложил, что у вас в жилом комплексе лифт оборвался, и ты был внутри! Почему ты парням ничего не сказал? И врача не вызвал! Я уже отправил к тебе скорую, скоро будут на месте.

Собеседник с бандитской внешностью выпаливал слова как из пулемёта. На заднем плане глухо доносились почтительные голоса его подручных: «Самолёт готов к вылету», «Брат Тянь, вам сюда»...

Разглядев лицо Юй Бая на экране, Брат Тянь разволновался ещё сильнее:

— Да ты же плачешь! Всё, я отправляю людей за доктором Чэнь. Не бойся, я и сам уже еду. Говорил же, что это гиблое место! Сегодня же перевезу тебя оттуда. Грёбаная развалюха, а не лифт!

Поток отборной брани мигом вымел из Юй Бая остатки сонливости. Он резко выпрямился на диване:

— Не надо скорой! И я не плачу! А доктор Чэнь вообще давно на пенсии!

— Не ври мне, у тебя слёзы в три ручья текут!

— Да это капли глазные, честное слово, только что закапал! — Юй Бай поспешно замахал перед камерой флакончиком.

— Да ладно тебе, плакать не стыдно, — Брат Тянь сочувственно указал пальцем на свои глаза. На его свирепом, мужественном лице отразилась поистине отцовская нежность. — Я вот, когда мне впервые сухожилия перерезали, тоже ревел как белуга. А потом ничего, привык, перестал. Так что всё нормально, поплачь — полегчает.

Юй Бай медленно опустил руку с каплями. Бороться было бесполезно.

— Ладно. Будем считать, я выплакался и мне уже лучше. Пожалуйста, отмени скорую и не беспокой доктора Чэнь. Я не ранен и психологическую травму не получил.

Юй Бай демонстративно навёл камеру на себя и медленно провёл ею сверху вниз, показывая, что цел и невредим.

«Если сюда примчится кавалькада из реанимобилей и личных врачей, вот тогда у него точно случится нервный срыв»

Брат Тянь пристально взгляделся в экран, оценивая состояние подопечного. Юй Бай и впрямь выглядел целым, да и рассудок вроде не потерял.

— Точно в порядке?

— Абсолютно, — ровным, спокойным тоном ответил Юй Бай. — Ну, испугался немного, с кем не бывает.

Брат Тянь шумно выдохнул, заметно расслабляясь. Какое-то время он молча разглядывал парня через экран, а потом вдруг сокрушённо вздохнул:

— Эх, Сяо Бай... Купил бы ты себе эти, как их, контактные линзы. Без очков ведь такой красавец! Вылитый я в молодости...

Юй Бай молниеносным движением нацепил нелепые очки обратно на нос, сгрёб со стола ноутбук и, удерживая телефон перед собой, поспешил скрыться в кабинете.

Заурядный диван на заднем плане сменился внушительными стеллажами, забитыми ранобэ, журналами и мангой.

— Брат Тянь, мне пора работать. Сроки горят, нужно срочно сдать рукопись, — заговорил Юй Бай своим фирменным монотонным голосом, поправив пальцем переносицу очков. — Так что не трать время на дорогу, лети спокойно в свою командировку.

— Ну ладно, раз всё обошлось. Я тогда разгребу тут дела за пару дней и вернусь. Если что-нибудь случится — сразу звони. А-Цян со своими парнями дежурят неподалёку, они примчатся по первому свисту. И всё-таки... может, переедешь?

— Не надо, мне и тут хорошо живётся.

По крайней мере, до вчерашнего дня так и было.

Переезд — это всегда страшная головная боль. Собирать коробки самому тяжело, но ещё тяжелее координировать толпу бритоголовых качков в ярких гавайских рубашках, которые с криками и улюлюканьем таскают твои пожитки.

Да и не случилось пока ничего такого, из-за чего стоило бы спешно срываться с места.

Юй Бай перевёл разговор на бытовые темы и через пару минут наконец повесил трубку, мысленно переведя дух. Кризис миновал. Гиперопека со стороны бывшего криминального авторитета порой бывала слишком удушающей.

Брат Тянь был тем самым татуированным громилой, которого когда-то на пешеходном переходе чудом спас отчаянный водитель электроскутера — покойный отец Юй Бая. В те годы этот человек держал в страхе весь теневой бизнес города. Фамилия его была Сунь, а имя состояло из двух одинаковых иероглифов «Тянь».

Имя Сунь Тянь звучало бы сурово и властно. Но, увы, звали его Сунь Тяньтянь.

Что категорически не вязалось ни с его габаритами, ни со свирепым выражением лица, ни с родом деятельности. Поговаривали, что именно издёвки над этим ласковым именем и последовавшая за ними жестокая драка когда-то толкнули юного Сунь Тяньтяня на кривую дорожку, сделав его в итоге королём улиц.

А сам Юй Бай в своё время едва не стал его преемником.

От матери он унаследовал редкие для здешних мест каштановые волосы и утончённую, почти неземную красоту. От незаметного, самого обыкновенного отца ему достался лишь тихий, нестигаемый внутренний стержень.

На похоронах отца он впервые увидел тех, кого тот спас ценой собственной жизни.

Сунь Тяньтянь пришёл первым. Он натянул глухую чёрную кофту с длинными рукавами, чтобы скрыть синие узоры на руках, опустился на колени перед гробом и простоял так всю ночь. Вокруг то и дело раздавался безутешный плач родственников.

Главарь бандитов, привыкший ежедневно заигрывать со смертью, впервые понял, насколько жутким может быть чужое горе и насколько бесценна человеческая жизнь.

Герой, пожертвовавший собой ради незнакомцев, оставил после себя единственного сына — маленького, беззащитного сироту.

Когда толпа сочувствующих расступилась, пропуская мальчика в траурный зал, все затаили дыхание. На нём был строгий чёрный костюмчик, белоснежный воротничок застёгнут на все пуговицы. Одежда подчёркивала болезненную бледность его изящного лица. В холодном свете люминесцентных ламп его мягкие каштановые волосы казались золотистыми, а непривычно светлые глаза оставались безжизненными и пустыми. Изящный, замкнутый ребёнок шёл среди плачущих взрослых, и каждый шаг его маленьких кожаных туфель отдавался в тишине звонким стуком.

Сунь Тяньтянь тогда просто лишился дара речи. Ему на секунду показалось, будто в зал по ошибке забрёл сын какого-нибудь мафиозного босса из высших эшелонов.

Перед тем как гроб предали земле, он отыскал Юй Бая и увёл его для разговора наедине.

— Твой отец спас мне жизнь, — тихо, но твёрдо сказал тогда Сунь Тяньтянь. — Без него меня бы уже не было на этом свете. Отныне всё, что у меня есть, принадлежит тебе. Я завязываю с прошлым. Жизнь слишком непредсказуема, и остаток своих дней я хочу провести честно. Стать хорошим человеком. Таким, как твой отец.

Он опасливо покосился на портрет покойного на алтаре и, понизив голос до заговорщицкого шёпота, добавил:

— Но если ты вдруг захочешь... — Мужчина зажмурился и с явным усилием выдавил: — Я могу оставить тебе парочку надёжных парней. Будешь у них за главного.

Юй Бай, который до этого момента стоял с каменным лицом, едва сдерживая рвущиеся наружу рыдания, от такого предложения опешил настолько, что начисто забыл, как плакать. Подобные разговоры для обычного младшеклассника были, мягко говоря, слишком экстравагантными.

Он и подумать не мог, что в строгом костюме выглядит как прирождённый наследник мафиозного клана. Даже его имя, Юй Бай, звучало куда более грозно и авторитетно, чем нелепое «Тяньтянь».

Поэтому, когда амбалы из свиты Суня начали с благоговейным трепетом величать его «Молодым господином Юем», у парня побежали мурашки по коже. Он сразу заявил, что предпочитает прозвище Сяо Бай.

И с того самого дня дал себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах больше не надевать классические костюмы.

Вот только Сунь Тяньтянь, свято чтивший долг чести, был убеждённым холостяком без собственных детей. Он на полном серьёзе вознамерился со временем передать Юй Баю всю свою нелегальную империю.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить благодетеля в своей полной профнепригодности и отсутствии всяких амбиций. Юй Бай не желал становиться ни криминальным авторитетом, ни баснословным богачом. Тихая, бесцветная жизнь замкнутого затворника казалась ему куда безопаснее. В конце концов, его главной жизненной целью было тихо дожить до глубокой старости и умереть естественной смертью.

Юй Бай отложил телефон и шумно вздохнул. Сон как рукой сняло. Раз уж уснуть всё равно не получится, он решил заняться делом. Открыв крышку ноутбука, он поудобнее устроился за столом. Нужно поскорее закончить главу, отправить её редактору — и со спокойной совестью завалиться спать.

Наполнив кружку водой и запустив любимый плейлист, Юй Бай первым делом открыл файл с названием `Завещание-Юй Бай v13`. Перечитав концовку, которая показалась ему недостаточно идеальной, он внёс несколько правок и сохранил документ под новой версией — `Завещание-Юй Бай v14`.

Только после этого он открыл черновик новой повести, в которой оставалось дописать буквально пару страниц, и с головой ушёл в работу. Что и говорить, редактирование собственного завещания настраивало на нужный лад лучше любого вдохновения. Писать ужасы после такого было одно удовольствие.

Муза не заставила себя ждать. Юй Бай строчил как безумный, полностью сосредоточившись на мерцающем мониторе. В тишине кабинета раздавался лишь стрёкот клавиш да заунывные, жалобные переливы мелодии из колонок.

Он опомнился только тогда, когда за окном окончательно стемнело. Комнату затопил густой вечерний сумрак.

«Что за странная мода пошла на бэк-вокал? Почему уже в третьем треке подряд на заднем плане кто-то тихонько подвывает?»

Поставив финальную точку в тексте, Юй Бай с облегчением потянулся и отхлебнул уже остывшую воду. Наведя курсор на окно плейлиста, он нажал на паузу. Пора было перекусить и наконец-то лечь в кровать.

Музыка оборвалась.

А вот тихий, жалобный плач — нет.

В пустой, запертой изнутри квартире явственно звучал чей-то голос. Это были тихие, прерывистые всхлипывания, тонкие и чистые — так мог плакать только маленький ребёнок, безутешно горящий о чём-то своём.

Юй Бай оцепенел. Он медленно поднял голову, оглядывая пустые стены. Звук шёл откуда-то из самой глубины бетонных перекрытий. Точно так же, как вчерашняя песенка про звёздочку.

Подойдя ближе, он прислонился ухом к прохладным обоям.

Детский плач сделался отчётливее. Казалось, несчастная девочка сидит прямо на полу по ту сторону перегородки. Вот только его квартира была угловой. За этой стеной не могло быть соседей — там зияла пустота двенадцатого этажа.

Юй Бай глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках, сунул в карман ключи с телефоном и вышел на лестничную клетку.

В коридоре царил мёртвая тишина. Ни души.

Насколько он помнил, на их этаже детей не было вообще. За те несколько недель, что он прожил здесь, он ни разу не встречал в подъезде маленьких жильцов и не слышал детских голосов.

Он вернулся обратно в квартиру, но проклятые всхлипывания не прекращались.

Объяснений у происходящего могло быть всего два: либо у него поехала крыша, либо здесь действительно творится чертовщина. Немного подумав, Юй Бай набрал номер своего единственного близкого друга, Янь Цзина. Как только пошли гудки, он прижал динамик телефона вплотную к стене.

— Алё? — послышался бодрый голос на том конце провода, сопровождаемый чавканьем. — Я тут ужинаю... погоди, Сяо Бай, ты чего? Ты что, плачешь?

Юй Бай быстро поднёс трубку к лицу:

— То есть ты тоже слышишь этот плач?

— Ну ещё бы, у меня динамик орёт!

Значит, это не галлюцинации. Рассудок его не подвёл. Оставался второй вариант.

Лицо Юй Бая посуровело.

— Эй, да что у тебя стряслось-то? — занервничал Янь Цзин. — Чего ты разрыдался? Прекращай давай, я сейчас приеду!

Юй Бай закатил глаза, и вся его серьёзность мгновенно улетучилась:

— Дубина! У меня, по-твоему, девчачий голосок?!

— Откуда мне знать, как ты плачешь? Ты даже на похоронах собственного отца слезинки не проронил! А тут сидишь и хнычешь как девчонка. У меня аж сердце прихватило, честное слово!

— Да я тогда просто не успел! — попытался оправдаться Юй Бай. — Если бы Брат Тянь не влез со своими глупостями...

— Всё, забей, не оправдывайся. Я тебе не папочка, читать нотации не буду. Сейчас дожую последний кусок и выезжаю.

На том конце трубки слышался торопливый стук палочек о тарелку. Янь Цзин заговорил с набитым ртом, явно забавляясь:

— Но вообще, угар, конечно. Кто бы мог подумать, что суровый затворник рыдает как первоклассница. Хорошо, что ты на похоронах сдержался, а то братки Суня тебя бы не поняли...

— Заткнись! Это не я плачу! — Юй Бай едва не раздавил корпус телефона в кулаке. — У меня в квартире привидение завывает, идиот!

<http://bllate.org/book/19600/2002495>